

А. Дробина

ОПЕРАЦИЯ «АНТИ-ВУДУ»

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Анастасия Дробина

Операция «Анти-вуду»

«ЭКСМО»

2014

Дробина А. В.

Операция «Анти-вуду» / А. В. Дробина — «Эксмо», 2014

Компания Юльки Полундры всегда находит себе приключения. Вот и теперь друзья в обычной электричке спасли от хулиганов экзотическую красавицу по имени Тереза. Только таинственная попутчица неожиданно сбежала, забыв рюкзак со статуэткой Барона Самди, бразильского бога мертвых! Ребята отправились на поиски новой знакомой, и тут все смешалось в кучу – ночные перекрестки, столярные работы, капозэйра, вуду... Но если рядом настоящие друзья, любые трудности можно преодолеть!

© Дробина А. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Анастасия Дробина Операция «Анти-вуду»

А как хорошо начинались выходные! Душа радовалась... Накануне, в пятницу, на совещании у Юльки Полундры всей компанией постановили, что Натэлу давно пора ставить на лыжи.

– Граждане, середина декабря! – Полундра рубила рукой воздух, и ее рыжие волосы воинственно вставали дыбом. – Новый год на носу! Все восьмые классы рассекают давно! Атаманова нашего на районные соревнования выдвинули! А Натэлка еще на лыжах не стояла ни разу! Отличница называется! Хорошо еще, что заболеть в ноябре повезло, да еще две недели освобождухи, а теперь?! Как всегда, до последнего дотянули!

– Но я не умею на них кататься! – Натэла Мтварадзе с ужасом смотрела на друзей. – У нас в старой школе был бассейн, я плавать хорошо умею! А на лыжах никогда не стояла даже! О-о-о, у меня теперь будет двойка по физре, кошмар! По физре! Двойка!!! Бабушка не переживет!!!

В том, что бабушка Натэлы, дама железобетонного характера, переживет не только внучкину двойку, но и конец света, не сомневался никто из друзей. Но что-то делать все равно надо было.

– Пойти на наш стадион и покататься! – сурово заявил Серега Атаманов. – Делов-то! Там и лыжня давно нарезана!

– Я нэ буду позориться на-а глазах всей школы! – вздернула подбородок Натэла. В ее речи прорезался акцент, что говорило о крайнем волнении.

– Ну-у-у... Можно в Кузьминки поехать, там нас никто не знает! – предложила Юлька.

– Народищу там по выходным... – нахмурил брови Атаманов. – Вся Москва катается, будем только под ногами у людей путаться...

– Поедем вечером! – пожала плечами Белка Гринберг. – В Кузьминках по вечерам хорошо, фонари... Вальсы Штрауса играют...

– Гринберг, ей не Штраус твой нужен, а ездить научиться! – рассердился Атаманов. – А если мы вечером приедем, то уже через полчаса возвращаться надо будет! А за полчаса Натэлка только лыжу сломать успеет! Батон, ты что молчишь, как неродной?! Предложения будем двигать?!

Андрюха Батон, с увлечением поедавший огромный бутерброд с колбасой, поперхнулся, проглотил непрожеванный кусок, выпучил глаза и выпалил:

– К Пантелеичу! В Михеево! На все выходные! Заодно дров ему из лесу привезем...

В комнате воцарилась тишина.

– Батон, ты гигант! – уважительно сказала Полундра. – Вот что значит – правильно питаться! Братва, у кого валенки есть?!

К Батонову дедуле в деревню Михеево собрались все вместе, впятером. Приглашали и Соню – старшую Белкину сестру, студентку консерватории, но у той вовсю шли репетиции новогоднего концерта. Отрываться от родимого рояля старшая Гринберг не пожелала. Но мысль о том, что тринадцатилетние дети отправляются невесть в какую глушь, лазить по лесу, в котором бродят волки и медведи, повергла Соню в панику. Напрасно Батон твердил, что медведи зимой спят, а последний волк в Михееве был замечен еще при советской власти. Соня и слышать ничего не желала:

– Знаю я вас! Вы там всех медведей перебудите! И они вас съедят! А что я потом маме скажу?! Она на Новый год прилетает из Вены, и Белка должна быть целая и невредимая! И вы все тоже! В общем, дети, или с вами едет кто-нибудь из взрослых – или вообще никто никуда не едет!

Полноценного взрослого за полдня добыть не сумели: у деда Полундры были лекции в Военной академии, у папаши Батона – вечерние смены на хлебозаводе. Пришлось Соне скрепя сердце согласиться на Полундриного старшего брата. Ему Соня тоже доверяла с трудом, несмотря на то что уже полгода считалась Пашкиной любимой девушкой.

– Полторецкий, чтобы никаких там дурацких шуточек! Чтобы смотрел за детьми! На них там сосна упадет! Они в берлогу провалиться могут! Замерзнуть и заболеть! Заблудиться! Сломать шею! Белка может посадить голос, а у нее зачет по сольфеджио в среду! Что значит «все люди взрослые»? Какие они взрослые?! Учти, ты мне будешь лично отвечать за каждую ребенкину соплю!

Деятнадцатилетний Пашка, изо всех сил стараясь не улыбаться, дал торжественную клятву бдить круглосуточно. Соня подозрительно посмотрела в его синие хулиганские глаза, махнула рукой и дала добро.

Но как же хорошо оказалось в Михееве! Вся деревушка была скрыта под ровным белым снежным ковром. Снега навалило столько, что дома оказались засыпанными до окон. Деревенская улица превратилась в узенький проход, расчищаемый силами Пантелеича и четырех бабулек-соседей: больше в заброшенном Михееве никто не жил. От станции пришлось добираться как раз на лыжах: другой возможности пересечь километровые снежные завалы не было. Натэла героически встала на свои изящные, белые, как следует смазанные Атамановым лыжи и под оглушительное «ура» друзей сделала первые шаги.

После двухчасового пути до деревни начинающая лыжница была еле жива. Возле Пантелеичева забора она кулем свалилась на руки Сереге, задрал палки.

– О-о-о... никогда больше... Ни за что... У-ми-ра-ю, вах...

А навстречу гостям из избы уже бежал радостный Пантелеич в незастегнутой телогрейке и валенках на босу ногу.

Потом, в избе, отогревались горячим чаем и всевозможными запасами из Натэлиного рюкзака: готовить пахлаву и печенье Натэла умела гораздо лучше, чем стоять на лыжах. Было тепло, огромная печь источала жар, на стенах весело топорщились пучки сушеных трав, висящие между вырезанными из журналов репродукциями и календарями. Пантелеич, водрузив на нос очки, сидя за столом, разбирал книги. Литературу Батонов дед заказывал себе по каталогу «Планета книг» на адрес внука в Москве, и время от времени Андрей привозил деду внушительную посылку.

– «Труд огородника»! – весело перебирал книги Пантелеич. – Вот уж нужно, так нужно... «Цветы каждый день»! Тож правильно, усодим все клумбы, пусть Васильевна из-за забора обзавидует! «Пятьдесят лет в строю»... «Записки разведчика»... «Попаданцы в Третьем рейхе»... «Как мы брали Берлин»... А это чего такое?! «Магия вуду»... Чего-чего?! Андрюха! Это какое такое вуду еще? Огурцы такие?

– Сам ты, дед, огурец! – съязвил Батон, но было видно, что и он озадачен. – Это, наверное, тебе приз дали... Ты у них конкурс выиграл: «Самый долгоиграющий читатель!» Короче, для общего развития тебе. А то скоро на альтернативной истории двинешься!

– Да лучше бы они «Воспоминания маршала Жукова» прислали! – рассвирепел Пантелеич. – Полгода уже дождаюсь! А это ваше вуду еще неизвестно, что такое!

– Вуду – это африканское колдовство... – слабым голосом доложила Натэла с кровати. – Можно мертвецов оживлять...

– Тьфу, не к ночи будь помянуты! – сердито перекрестился Пантелеич. – Только африканских мертвецов мне для счастья не хватало! Андрюха, убирай эту жуть господню с глаз моих! Можешь вон в печку кинуть! Отец Зосима говорит, что про такое читать вовсе грех!

– Федор Пантелеевич, если вам не нужно, можно я возьму? – попросила Натэла.

– Забирай! – книга про черных колдунов, пролетев через всю комнату, шлепнулась рядом с девочкой на кровать. – Только на ночь не читай! А то у меня тут мыши бегают, а тебе бог весть что мерещиться начнет... От визга никто глаз не сомкнет!

Наутро Натэла объявила, что у нее болят все кости, что с кровати она встать не может и умрет на месте при одном только взгляде на лыжи.

– Я нэ могу! Я посреди леса там упаду! У меня ничего нэ шевелится! – стонала она из-под одеяла. – Это нэ спорт, а издэвательство! Пусть лучше двойка будет!

– Может, оставить ее здесь? – предложила Белка. – Еще правда встать не сможет, а нам завтра уже домой ехать...

– Да прям! А зачем тогда тащились в такую даль?! – Полундра была настроена решительно. – Надо ехать хоть кровь из носу! Через «не могу»!

– Сережа, о-о, скажи им... – простонала Натэла.

Атаманов поскреб затылок, нахмурился. Неуверенно произнес:

– Полундра, ты б ее не трогала... А то, если чего, нас Нино Вахтанговна передушит!

– Клинь клином вышибают! – объявил вдруг вломившийся с мороза с охапкой дров Пашка. – Натэла и остальные, слушай команду по гарнизону! Вылезать – завтракать – одеваться – и в лес! Натэла, слово чести, – через десять минут у тебя все пройдет! Если нет – можешь в Москве Соньке наябедничать на меня! Я за каждый ваш чих отвечаю – забыла?!

– Нэ хочу быть причиной твоей смэрти! – мрачно объявила Натэла и полезла из-под одеяла. Полундра переглянулась со старшим братом и прыснула.

Но Пашка неожиданно оказался прав. Доехав со стиснутыми зубами до опушки леса, Натэла изумленно сказала:

– Ой... а ведь правда! Уже лучше! Почти ничего не болит!

– И на лыжах стоишь уже путево! – одобрил едущий сзади Атаманов. – Считай, четверка имеется! Только палками отталкивайся, а не враспыр их держи! Полундра, гляди, как она круто едет!

Ехала Натэла ужасно, но Юлька сочла долгом подбодрить подругу:

– Зашибись! Уже почти что биатлон! Ружья не хватает!

В лесу было пусто и бело, елки стояли в снегу до самых макушек. Толстые краснопузые снегири, перелетая с дерева на дерево, сбивали с веток пушистые шапки. Высоко на сосне стрекотала белка, между сучков мелькал ее серый хвост. По ровной скатерти снега тянулась цепочка следов.

– Волк! – испугалась Белка.

– Да ну... Заяц! – усомнился Атаманов. – Вон, петлял...

– Ворона, – усмехнулся Батон. – И не петляла, а прыгала. Мыша, кажись, ловила. Ладно, парни, давайте сушняк рубить, деду отопление нужно. Девчонки, а вы тут по полянке круги нарежьте, Натэлку натаскивайте... и вообще не мешайте! Топор – штука такая, раз – и полноги нету!

С дровами провозились почти до вечера, потому что управляться как следует с топором умел один Батон. Но все же до темноты ребята умудрились нарубить гору сушняка и сложить ее на огромные санки. Санки тянули Атаманов и Батон, Пашка подталкивал сзади. Следом ташились усталые девочки, которых подбадривала, к общему удивлению, Натэла:

– Юля, Белка, мы уже почти дома! Чуть-чуть осталось, поднажмите! Вы же видите, даже я еду! Пашка, ты просто гений!

– Ты это дома Соне скажи... – пыхтел Пашка. – А то, когда я сам говорю, она почему-то не верит... Эй, пара гнедых! Эй, ухнем!!! Выноси, залетные!

«Пара гнедых» злобно пыхтела в ответ. Двигался весь караван крайне медленно – до тех пор, пока из-за леса вдруг не донесся пронзительный, тоскливый вой.

– Волки!!! – заверещала Белка.

– Откуда здесь?! – поразился Батон. – В жисть не было!

– Завелись, значит! – заорал Атаманов, дергая сани за веревку так, что весь нарубленный сушняк чуть было не высыпался в снег. – Поднажми, братва, не то сожрут с костями!

В деревню влетели на всех парах. Пантелеич выскочил навстречу, восхитился количеством дров и скоростью Натэлы, несущейся впереди всех, как мастер спорта по слалому, – только снег разлетался.

– Да какие там волки! – расхохотался он, выслушав взволнованный рассказ ребят. – Это Жиган воет, псина сторожихина из Торбина! Кажин день заливается, и все такими руладами жалистными – сердце рвется! Заходите лучше шти есть, пока горячие! Тока что из печи вынул!

Вечером отдыхали. Пили чай, доедали Натэлины пироги, со смехом вспоминали, как галопом неслись через лес под собачий вой. Пашка страдал без своего айпада, забытого в Москве, и от огорчения читал университетский учебник по квантовой физике. Пантелеич с синим карандашом в руках изучал новый каталог «Планета книг». Атаманов, Батон и Полундра сражались засаленными картами в «шестьдесят шесть». Белка откровенно дремала. Натэла, пристроившись на кровати под тусклой лампочкой, с интересом перелистывала «Магию вуду».

– Натэлк, и охота тебе?.. – поинтересовалась Полундра. – У меня уже веки склеиваются, а ты еще читать можешь?

– Да еще жу-у-уть такую... – зевнула с другой кровати Белка. – Про зомби с колдунами, вот ужас! Еще правда приснится ночью...

– Мне никогда кошмары не снятся, – успокоила Натэла. – Один раз только приснилось, что мама приехала с гастролей, а у меня – пустой холодильник! Проснулась – та-а-ак обрадовалась, что это сон был!..

Полундра с Белкой хмыкнули. Мама и бабушка Натэлы – известные актрисы – часто бывали в разъездах, и Натэла оставалась на хозяйстве одна. Ей ничего не стоило приготовить обед на десять человек, за полчаса отмыть всю квартиру, перестирывать кучу белья и сшить на машинке новые занавески – если старые, по ее мнению, вышли из моды. С такими способностями, на взгляд Юльки, нужно было не сидеть в восьмом классе, а прямиком выходить замуж.

«Ты, Полундра, ей голову не морочь! – сурово говорил на это Атаманов. – Замуж МЫ С НЕЙ, когда надо будет, тогда и сходим. Пусть пока учится, а там поглядим».

Юлька хихикала. Натэла краснела, чуть улыбалась, молчала.

Домой собрались в воскресенье после обеда. Пантелеич проводил всю компанию до конца деревни, строго-настрого велел приезжать на зимние каникулы, а внуку вручил книжный каталог, весь исчерканный синим карандашом.

– И чтоб были мне воспоминания Жукова! И записки генерала Драгомирова! И «Сталинские соколы»! И про Третью танковую дивизию! И про теплицу для помидоров! И календарь купи, с девицами в купальниках! На стену повешу – и пусть Васильевна хоть впополам треснет со своим отцом Зосимой!

– Календарь ему подавай с девицами... – бурчал недовольный Батон, въезжая на лыжах в лес. – Приспичило на старости лет... Одно счастье в жизни – попа Зосиму до инфаркта довести! А деньги на все это где?! Нам с батей еще коробку передач у «жигуля» менять... Мать без зимнего пальто ходит...

– Я ему сам календарь куплю! – расхохотавшись, пообещал Пашка. – Можно в купальниках, можно и без...

– Ты мне того... деда не порти! Лучше помозгуй, где записки Драгомирова достать, это ж антиквариат! Я смотрел в Интернете – тридцать шестой год, парижское издание!

– Достанем, не бойсь, – заверил Пашка. – Сол Борисыч сделает!

В электричке было холодно и пусто. Почти до самой Москвы ребята ехали одни в пустом вагоне с серебристыми от мороза стеклами. Только в Апрелевке в электричку неожиданно хлынул народ с лыжами, сумками и детьми. Сразу стало шумно, тесно и бестолково.

– И куда это людей в такой холод несет... – бурчал Атаманов. – Щас еще бабка какая-нибудь влезет... Повиснет над тобой, и уступай ей место! А до Москвы еще полчаса! Батон, слышь, если чего – ты встаешь, я ногу вчера суком отбил... Батон! Бато-он, ты что, примерз там?!

Друг не отвечал. Атаманов недоверчиво покосился на него и увидел, что Андрюха, неестественно извернувшись, устался в другой конец вагона. Серега тоже вытянул шею. И громко прошептал:

– Блин, ну ни фига...

Тут уж повернулись все. И ахнули вполголоса даже девчонки. Потому что на дальней скамье, закутавшись в пушистую белую шубку, сидело существо невероятной красоты.

Это была девчонка-мулатка лет тринадцати, с огромными черными глазами – такими огромными, что напоминали о киношных инопланетянах. Ресницы угрожающей длины отбрасывали на щеки тень. Из-под накинутого на голову белого шарфа выбивались выющиеся пряди распущенных волос. На тонком, чуть скуластом лице цвета кофе с молоком не было ни грамма косметики. На коленях мулатки была раскрыта толстенная книга, но девочка смотрела поверх страниц, не мигая, и, казалось, глубоко задумалась о чем-то. Мысли эти, похоже, были грустными: на лице девчонки Полундра явно разглядела высохшие дорожки слез. У ног мулатки стоял пестрый рюкзак, стянутый кожаным ремешком.

– Да-а-а... – протянул Пашка. – Есть на что глядеть. Мисс Африка!

– У тебя своя мисс дома есть! – немедленно напомнила Белка. – Вот расскажу Соне, как ты в электричках на мулаток пялишься!

– Я – пялюсь?! – обиделся Пашка. – Ты меня за кого держишь? Она же малявка! Это вон у пацанов ваших челюсти отвисли... Парни, рты закройте, сквозняком продует!

– Нет, не в моем вкусе, – опомнился Атаманов, покосившись на Натэлу. – Андрюх, а ты, может, познакомишься пойдешь?

– Офонарел?! – мрачно спросил Батон. – Мы на кого похожи-то?! Она с перепугу ментов вызовет!

Возразить Сереге было нечего. Для поездки в деревню все, разумеется, надели что похуже. Сам Атаманов был наряжен в древний пуховик серо-буро-малинового цвета с полуоторванными карманами и буйно лезущими отовсюду перьями. На Батоне красовалось старое отцовское пальто с облезлым воротником и валенки с галошами, а на голове топорщился Пантелеичев треух.

– Я тут самый приличный! – окинув взглядом всю компанию, заявил Пашка. – Но я ей в дедушки гожусь. Что будем делать, господа гусары?

«Господа гусары» уныло молчали.

– Девчонки, может, вы к ней пристроитесь? – неуверенно спросил Атаманов. – У вас видок покультурней. Присядьте рядом, туда-сюда, куда едешь, где прическу делала...

– Ни за что! – отказалась Натэла. – Это же иностранка! А у меня плохой английский! Не хватало еще опозориться... А в некоторых странах в Африке вообще говорят по-французски! И по-португальски! В Анголе, например!

– Что иностранка в калужской электричке делает, хотел бы я знать... – задумчиво спросил Пашка. – На каком языке она билеты брала?

Но ответа на свой вопрос он не получил. Электричка, дернувшись и загремев, остановилась у станции «Переделкино», и в вагон, дыша паром, ввалилась новая партия пассажиров. Среди них оказалась скрюченная старушонка с огромной сумкой на колесиках, с порога заголосившая на весь вагон:

– Книжки-книжки-книжки!!! Самые лучшие, самые красивые книги издательства «Витязь»! Военные мемуары! Аль-тыр-ны-тивная история! Воспоминания Рокоссовского в первой редакции! Записки генерала Драгомирова с Парижу! Можно полистать, посмотреть, купить!

– Батон, хватит на мулатку тарашиться, вставай!!! – обрадовался, вскакивая, Пашка. – Никуда твоя красотка до Москвы не денется! Беги за бабкой, у нее Драгомиров!

– А у меня денег нет!

– У меня есть! Пошли, пока она в другой вагон не сбежала! Серега, идем с нами!

Батон, с сожалением вздохнув, отвернулся от красавицы мулатки и устремился за торговкой книгами в тамбур. За ним двинулись Пашка с Атамановым.

И почти сразу же в вагон с громким гогом ввалились четверо пацанов в кожаных куртках. Их вязаные шапочки каким-то чудом держались на бритых затылках. Юлька сразу подбралась, готовая, если что, отбивать атаку до возвращения из тамбура ребят. Но бритые даже не взглянули в сторону девочек. Едва войдя, они повернулись к мулатке в белой шубке.

– Во! Позырьте! – со смехом провозгласил один из них. – Мартышка сидит! Второй день как с пальмы слезла!

Заржали и остальные.

– Не, пацаны, она из зоопарка сбежала!

– На хвосте из клетки вылезла!

– Это чо у ней в лапках? Чо – читать умеем, да? Умные такие?

– На каком языке в ихней Замбези говорят?

– На папуасском, гы!

Мулатка аккуратноложила страницу в книге открыткой и закрыла ее. Откинула шарф, выпустив целую копну выющихся волос, внимательно посмотрела на ржущую гоп-компанию огромными, блестящими, еще не просохшими от слез глазами и на чистом русском языке пояснила:

– Замбези – не страна, а река в Южной Африке. А папуасского языка не существует в природе. На островах Папуа – Новая Гвинея есть множество разных диалектов. Вы ошибаетесь, уважаемый.

Голос девчонки был неожиданно низким, звучным и очень красивым. На секунду в вагоне повисла озадаченная тишина. Наконец один из гопников возмущенно заорал:

– Братва, да она прикалывается! Ты, маака, думаешь, умная самая? Да я тебя щас по стенке...

И тут Полундра поняла, что надо что-то делать. И вскочила.

– Юлька, сиди! – панически запищала Белка, понимая, что подруга вот-вот рванет биться за справедливость. – Одурела совсем, сиди! Их четверо...

– Я вызываю полицию, – ровным голосом сказала Натэла, доставая мобильный. Но Юлька уже вскочила с ногами на скамью и – гаркнула во весь голос первое, что пришло в голову:

Над седой равниной моря ветер тучи собирает!

Между тучами и морем гордо реет глупый пингвин!

Он и сам уже не знает, как он смог с земли подняться!
Вот и носится над морем, и орет вторые сутки!
Потому что он не знает, как сажать себя на плоскость!!!

Этот стишок они с Белкой недавно нашли в Интернете и вволю нахохотались. К изумлению Юльки, дурацкий «пінгвин» запомнился ей с первого раза – в отличие от лермонтовского «Бородина», заданного на выходные. К тому же у Полундры был хорошо поставленный голос «командующего фронтом» – как утверждал ее дед, отставной генерал Полторецкий. Во всяком случае, если Юлька хотела, чтобы ее слышали, – спасения не было никому. И сейчас на нее с открытыми ртами смотрел весь вагон – включая ошалевших гопников и красавицу мулатку. Чего, собственно, Полундра и добивалась. Она понимала, что нужно любой ценой продержаться до прихода пацанов, и старалась вовсю:

Раз пятнадцать он пытался сесть куда-нибудь на землю,
Но скользил по скалам пузом!
Матерясь, взлетал обратно!
А гагары, пролетая над пикирующим пином...

Про гагар Юлька дорассказать не успела. Со скамейки у самых дверей поднялся дедок-сморок с тележкой на колесиках и сердитым басом сказал:

– Во что Горького Алексей Максимыча превратили, олухи! – а затем, обратившись к гопникам, сообщил: – Таких, как вы, шантрапа, в сорок пятом танками давили! – и, крикнув, размахнулся тележкой. Удар пришелся прямо по хребту тому, кто обозвал мулатку макакой. Тот, взвывая, завалился на бок, дедок замахнулся снова, – а в дверях уже появились обеспокоенные физиономии мальчишек и Пашки.

– Наших бьют! – возвала Полундра. – Атаман, ура-а-а!!!

Закончилось все стремительно: ошалевшие борцы за чистоту нации опомниться не успели, как уже были уложены рядком на грязный пол вагона. Одного довольно лихо скрутил дедок с тележкой. Второго взяли на себя Пашка и Атаманов. Третьего подоспевший Батон от души треснул приобретенными «Записками Драгомирова» по голове, и гопник мирно съехал по стенке вагона на пол. А четвертого неожиданно сбила с ног сама мулатка, взлетев вдруг со скамейки в каком-то головокружительном прыжке. В вагоне поднялись визг и писк, верещали старушки, голосили дети, – а от дверей уже пробиралась пара суровых полицейских. При виде стражей порядка хулиганы на удивление быстро опомнились, вскочили и, толкаясь, помчались к выходу из вагона. Полундра не смогла отказать себе в удовольствии сунуть пальцы в рот и оглушительно свистнуть им вслед.

Двое из гопников успели-таки сбежать. Оставшиеся заныли, что они ничего такого не хотели, просто девчонка клевая попалась, собирались прикадриться, а дед в ватнике первый начал своей тачкой махать... Старичок на это гневно заявил, что он не для того всю войну гонял фрицев по Европе, чтобы на старости лет слушать фашистские речи в собственной стране. Гопников вывели полицейские. Следом, громя тележкой, вышел и героический ветеран, на прощанье велел мулатке:

– Ты б, дочка, не моталась одна по электричкам-то! Контингент разный ездит...

– Вот это он прав! – ворчливо заметила Полундра, усаживаясь напротив мулатки и пихая в бок Батона, который изо всех сил пытался придать своему растерзанному пальто пристойный вид. – Тебя как зовут? Тереза? Оч-приятно, я – Юлька, это – Белка и Натэла, это – Серега с Пашкой, а это – наш Андрей! Знакомьтесь!

– Я очень рада! – отозвалась Тереза. Слез в ее глазах уже не было. Она, казалось, ничуть не была напугана случившимся. О том, что она только что участвовала в драке, напоминала только расстегнувшаяся шубка и разлетевшиеся по плечам черные кудри.

– Ты из какой страны? – приступила к решительному допросу Полундра. – Сколько тебе лет? В каком классе? А учишься где? А здесь что делаешь? Почему одна ехала? Как это тебя родители только отпускают! Сама ж видишь, ты того... нестандартная, а долбецов всяческих куча ездит! Могли бы и взрослые скины попасться!

Тереза, слегка озадаченная бурным Юлькиным напором, все же рассказала, что она родилась в России, что отец у нее – русский, что мама давно умерла, что сама Тереза учится в школе иностранных языков и что отец ее отпускает куда угодно, потому что у нее красный пояс по капоейре.

– Это что такое?! – поразила Юлька.

– О-о, это бразильская борьба! – объяснила Тереза. И, увидев жгучий интерес в глазах ребят, принялась рассказывать о боевом искусстве черных рабов, вывезенных в Бразилию из Анголы.

– Понимаете, им на плантациях хозяева запрещали заниматься борьбой! Боялись, что они передумают охрану и убегут! И они маскировали капоейру под танец! И получился такой микс танцевальных и боевых движений! Вы, если хотите, приезжайте к нам на Таганку, на спектакль, – сами все увидите! В следующую пятницу! Посмотрите и танцы, и капоейру! Билеты уже проданы, но вы скажите, что по моему личному приглашению! Я буду в главной роли!

Парни и Полундра слушали с открытыми ртами. Юлька уже всюю соображала, не пойти ли и ей заниматься капоейрой и согласится ли на это дед, который все время бурчит, что у него растет не барышня, а морской пехотинец. На взгляд Полундры, оказаться морпехом было бы гораздо интереснее, чем расхаживать в кринолинах по балам, но дед и слышать ничего не хотел. Перекинувшись на мысли о своей горькой судьбине, Юлька не заметила, что Натэла с интересом смотрит на книгу, лежащую на коленях Терезы.

Это был разбухший фолиант толщиной в кирпич, заложенный посередине какой-то яркой бумажкой. На обложке позолоченными полустертыми буквами было выведено название на незнакомом языке. Натэла со значением взглянула на Белку. Та уважительно кивнула, покосилась на Батона и тихонько вздохнула.

– Ты любишь читать? – с уважением поинтересовалась Натэла, деликатно дождавшись паузы в разговоре о капоейре. – Нравится или задали по программе?

– О, это для роли! – охотно пояснила Тереза. Увидев вытаращенные глаза ребят, слегка смутилась: – Мы ставим пьесу Жоржи Амаду на португальском языке. А в этой книге – сразу и Шекспир, и «Тереза Батиста» Амаду, и комедии Камюэнса – все на португальском!

– Так у вас театральная студия? – сразу оживилась Натэла – внучка и дочь профессиональных актрис. – Как работаете, по системе Станиславского?

Разговор переключился с капоейры на театр, и Полундра вздохнула с облегчением: в светских беседах она была не сильна. Пользуясь тем, что Тереза на нее не смотрит, она яростно пнула ногой Батона. По Юлькиному мнению, задавать вопросы, восхищаться и вообще всячески проявлять внимание должен был именно он. Но Андрюха сидел набычившись, упрямо глядя в замерзшее окно, и на Юлькино пихание никак не отреагировал.

– Парни, идемте покурим! – громко провозгласила Полундра. – А то уже Москва скоро!

Некурящие Батон и Атаманов посмотрели на Полундру, тоже сроду не бравшую в рот сигарет, с крайним удивлением. Однако все же встали и пошли вслед за боевой подругой в тамбур. Следом не спеша зашагал и Пашка.

– Батон, ты нормальный или нет?! – зарычала Юлька, едва оказавшись за раздвижными дверцами. – Ты что молчишь, как идиот?! Мне, что ли, с ней знакомиться надо?! Почему я одна языком чешу?! Ты можешь ей сказать, что она красивая?! Что ты хочешь с ней встретиться?!

Что телефон желаешь взять? Блин, ты хоть раз в жизни фильм про любовь смотрел?! Или только свою «Формулу-1»?! Атаманов!!! Ты чего мне тут рожи строишь, скажи ему!

Но Юлькины вопли прозвучали впустую. Парни переглядывались, хмурились и сопели. Поняв, что от этих двух балбесов толку не добьешься, Полундра гневно уставилась на старшего брата.

– А ты что молчишь?!

– Юлька, ты бы не гнала волну, – задумчиво заметил Пашка. – Тут дело трудное...

– Трудное?! – взорвалась Полундра. – Оно трудное будет, когда в Москве эта Тереза в метро впрыгнет – и все! Ищи ее потом с фонарями! Батон, сам же пожалеешь, когда... Ой, ну вот вам, уже Москва! А вы ничего не сделали, пентюхи! Пельмени недоваренные, а не реальные пацаны, тьфу!

– Ты, Полундра, того... не борзей! – забурчал Атаманов. – Пашка дело говорит. Вам, девчонкам, всегда все просто – телефончик, там, и все такое... А ты на нее посмотри, на эту Терезу! И... на Батона нашего.

Озадаченная Юлька честно покосилась сквозь грязное стекло вагона на Терезу, которая увлеченно болтала о чем-то с Натэлой. Затем перевела взгляд на мрачную физиономию Андрюхи. Пожав плечами, спросила:

– Ну и что?

– Ничего, – хмуро сказал Батон, глядя в ок-но. – Дура ты, Полундра. Она же вон какая... Как эта... как ее... Пашка, какое мы кино смотрели?

– «Черная пантера Амазонки», – без усмешки подсказал Пашка.

– Во-во... А я... Карлсон! В дедовых валенках! Пузо вон торчит! А какую книжищу она читает – видела? Да еще не по-русски! Натэлка наша – и та удивилась! В театре каком-то играет, артистка! А я, значит, буду у нее телефончик стрелять?! Так она и дала!

– Батон! – изумленно сказала Полундра. – Никакой ты не Карлсон! И нет у тебя никакого пуза, просто фигура такая... Много тебя просто, вот! И... ну и что, что она книжку читает! Натэлка тоже читает, еще как! А вот с нашим Серегой в кино ходит – и ничего! Глядишь, еще человека приличного из него сделает!

– Ты, Полундра, фильтруй базар! – обозлился Атаманов. – Думай, что гонишь, не то...

– Это не я гоню, а твоя мама! – ехидно парировала Юлька. – Тетя Таня в пятницу к деду за луковицей зашла и про вас с Натэлкой говорила! А я коврик прикинула и все подслушала!

Атаманов покраснел, проворчал что-то непечатное и мрачно уставился на Батона:

– Ну, что?! Сам пойдешь телефон просить или мне вместо тебя?

– Андрюх, лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном, – серьезно заметил и Пашка. – Задай себе алгоритм. Что ты, в крайнем случае, потеряешь? Ну, не даст она тебе телефона! Результат будет тот же, как если бы ты ничего и не просил, так? Но при этом ты будешь знать, что сделал все, что мог. Так?

– Ну, типа так...

– А раз так, то шагом марш комплименты даме говорить! И не бойся, мы рядом будем. Давай, а то уже электричка останавливается, Москва!

По лицу Батона было видно, что он находится в состоянии полной паники. Сопя, он снял свой треух и сунул его Юлке. Начал было стягивать и пальто, но, обнаружив под ним сто лет не стираный, проеденный молью свитер, запахнул полы обратно. Втянул живот. Пригладил волосы.

– Перекрестись еще! – съязвила Полундра, но Атаманов молча показал ей кулак, хлопнул друга по плечу и потянул тяжелую дверь вагона. Батон шумно вздохнул, шагая внутрь... и в это время мимо них пронесся вихрь белого меха и черных кудрей.

Тереза вылетела в тамбур так, словно за ней гналась стая волков – растрепанная, с вытаращенными от страха глазами.

– Ты чего?! – перепугалась Юлька. – Куда ты?!

«Остановка «Москва, Киевский вокзал», – провозгласил металлический голос, и двери электрички со скрипом расползлись. Тереза выпрыгнула из вагона первой – и белая шубка сразу же затерялась в толпе. В следующий миг и Полундру подхватил и понес на перрон пестрый, галдящий людской поток.

– Что вы ей такого сказали, девчонки? – с изумлением спросила Юлька, когда они все вместе оказались у входа в метро. – Почему она пулей из вагона вылетела?!

– Откуда я знаю? – пожала плечами Натэла. – Смотрите, она даже свой рюкзак забыла! И книгу! И шарф!!! Какая-то ненормальная...

Рюкзак Терезы – пестрый, обшитый бусинками и бахромой – держала в руках Белка, и по ее лицу видно было, что она тоже ничего не понимает. Натэла держала шарф с белыми и черными кистями и книгу. Мимо шли к метро люди. Сверху, с серого неба сыпал снег. Юлька осмотрела друзей, остановилась глазами на убитом лице Батона и поняла, что снова нужно что-то решать.

– Ладно... Поехали к нам. Помозгуем.

В Юлькину квартиру ввалились всей толпой. Деда не было: генерал Полторецкий принимал экзамены в Военной академии. Натэла сразу же устремилась на кухню. Вскоре оттуда послышался свист закипающего чайника. Белка достала телефон:

– Соня, я приехала! Я у Юльки! Почему не домой?... Поговорить надо... Нет, представь себе, не наговорились за два дня! У нас тут важное! Мы такое видели, такое!.. При чем тут Пашка?! Он хорошо за нами следил! Да правда же... Ну, вот! – Белка положила трубку и похоронным голосом сообщила: – Сейчас Соня придет...

– ...и скажет, что вы каждый раз, когда со мной, во что-то вляпываетесь, – ипохондрически закончил Пашка. – Натэла Ревазовна, мне там, пожалуйста, самый большой бутерброд! И по закону еще сто граммов водки перед начальственным разносом!

– Обойдетесь без водки, Павел Александрович! – отрезала из кухни Натэла. – А бутерброды сейчас будут! Юля, какую колбасу можно из холодильника взять?

– Всю! – разрешила Полундра, меряя широкими шагами комнату. Сама она даже и представить не могла, как можно думать о колбасе, когда тут – ТАКОЕ! В памяти привычно всплыл сериал «Барсы Нью-Йорка» и любимый агент Тайгер со стальным взглядом и трехдневной щетиной. Каждый раз, видя на экране агента Тайгера, Юлька страстно жалела о том, что родилась девицей и из нее при всем желании не вырастет ничего подобного.

– Итак, джентльмены, какие будут мнения? – тайгеровской фразой открыла Полундра совещание. – Вопрос первый: почему эта Тереза с самого начала была такая перепуганная? Вопрос второй: что вы ей такого сказали, что она чуть на ходу из поезда не выкинулась? Вопрос третий – что в рюкзаке?

– Кирпичи, – пробурчал Батон. – Десять кило. Как она его только перла – не пойму...

– Будем открывать, – решила Юлька.

Белка неуверенно посмотрела на нее.

– Но это же чужое! Нельзя, наверное...

– Ну и что?! – вскинулся Атаманов. – Балда ты, Гринберг! Если б мы знали, где эта Тереза живет, – поехали бы да вернули! Вон, Батон бы и поехал! Познакомился бы заодно поближе! А мы что про нее знаем?! Что вся зареванная ехала и что Андрюхе башку запудрила?!

– Прихлопнись, – буркнул Батон. Атаманов покосился на него сочувственно и умолк. Пашка в углу, прикрывшись айпадом, как мог, сохранял серьезный вид.

– Все равно рюкзак надо развязывать! – настаивала Юлька. – Белка, ну ты сама подумай! Если ты, например, находишь на улице кошелек и хочешь вернуть, ты что в первую очередь делаешь?

– Смотришь, что в нем есть! – бодро ответил вместо Белки Атаманов. – Если есть документы – подбрасываешь их тому лоху в почтовый ящик! Или в полицию несешь! Потом берешь бабки, кошелек выкидываешь и идешь себе новые ролики покупать! Полундра, ты чего руками машешь?.. – он наконец заметил яростную Юлькину жестикуляцию, обернулся и увидел Натэлу с подносом, заваленным бутербродами.

– Первым делом ищешь в кошельке визитные карточки или номер телефона! – отчеканила Натэла, бухая поднос на стол и принимая позу богини Правосудия. – Затем звонишь, встречаешься с потерпевшим и отдаешь ВСЕ! Может быть, у него в кошельке были последние деньги! Может быть, на лекарство ребенку! Может быть, на продукты для матери! А ты – ролики?!

– А Серега так и сказал! – кинулась грудью на спасение друга Юлька. – Ты просто ничего толком из кухни не услышала! Он так и сказал, что если ни карточек, ни телефонов – тогда уж и ролики... Правильно я говорю, Атаман?

– Угу... – пробурчал Серега, избегая, однако, встречаться взглядом с Натэлой. Пашка в углу булькал от смеха, как вскипающий чайник. Батон сидел насупленный.

– Натэла, ну ты-то скажи! – воззвала к подруге Полундра. – Открываем рюкзак или нет?!

– Конечно! – пожала плечами та. Вердикт Натэлы, «повернутой», по словам Атаманова, на всемирной справедливости, успокоил всех. Юлька села на пол у рюкзака и осторожно принялась развязывать кожаный шнурок.

Первой на стол легла уже знакомая всем книга с золотым тиснением. Натэла взяла ее в руки, начала листать. Радостно вскрикнула, увидев штамп библиотеки.

– «Институт лингвистики и иностранных языков»! Где это?

– Возле Кропоткинской, – выдал справку Пашка. – Но что наша шоколадка там могла делать? В институте ей еще рановато учиться...

– Пойдем туда и узнаем! – воодушевилась Юлька. – Скажем, что нашли книгу в электричке, хотим вернуть и...

– ...и у тебя ее охранник на входе заберет, скажет спасибо и объяснит, что без пропуска нечего тебе в институте делать! – заверил старший брат. – У нас в универе, например, так. А вашей мулатке еще и влетит за то, что она казенные книги по электричкам разбрасывает! Нет, шелупонь, надо сначала ее саму найти. Не то зря девчонку подставим. Книга вон дорогая, старая.

– Что там еще, Полундра? – нетерпеливо спросил Атаманов, глядя на рюкзак.

– Что-то... ой... неудобное ужасно! – Юлька, сморщившись, вытянула на свет какой-то непонятный черный предмет, всмотрелась в него... и дико заорала:

– А-а-а-а-а!!!!

Предмет выпал из ее рук и тяжело грохнулся на пол, отдавив хвост кошке по имени Мата Хари. Кошка взвыла дурным голосом и вскарабкалась по занавеске к потолку. Не удержавшись на скользком карнизе, свалилась на голову Пашке, с Пашки сиганула на шкаф и зашлась там отчаянным мявом. Полундра и Белка, не сговариваясь, взлетели с ногами на диван. Станный предмет, грохоча, покотился под ноги Натэле. Но кинувшийся ястребом Атаманов перехватил его в полуметре от Натэлиных тапок.

– У-у, зараза... тяжелый какой! Полундра, ты с нарезки сорвалась? Чего вопишь? Кошку вон до припадка довела! Что это вообще такое?... О, блин, это кто?!. Батон! Батон! Глянь, какая рожа!

– Мата, Мата, Маточка, слезай... Слезай, психопатка несчастная, колбаски дам! – принялась улеживать кошку Юлька. – Атаман, да ты только посмотри на ЭТО! Тут не только кошка – кто угодно описается!

В это время в прихожей раздались звонок и встревоженный голос из-за двери:

– Дети, что там у вас?! Почему такой крик стоит? Вас на весь подъезд слышно! Полторецкий, бессовестный, открывай немедленно!

– Иду, королева моя! – Пашка пошел открывать.

Пашкина «королева» ворвалась в комнату, на ходу снимая пальто и воинственно сверкая гла-зами:

– Полторецкий, почему тебе совершенно невозможно доверить детей? Почему они с тобой орут как резаные? Почему вечно что-то происходит незапланированное? Уроки, конечно, никто не сделал! Полторецкий, ты хочешь моего ин-фаркта?!

– Ни за что на свете! – Пашка нежно отобрал у Сони пальто, сунулся было поцеловать в щеку, получил возмущенный отпор и, пожав плечами, попросил: – Дети, скажите Софье Семеновне, что все в порядке!

– Все в порядке! – хором ответила вся компания.

– Вот что-то не верю я вам! – подозрительно сообщила Соня. Подошла к столу, на кото-рый Атаманов поставил поднятый с пола предмет... и издала вдруг такой ультразвуковой визг, что Батон подскочил на месте, а в кухне что-то со звоном рухнуло на пол.

– Кошка концы отдала, – прокомментировал Атаманов. Юлька пискнула и помчалась в кухню. Пашка легко поймал перепуганную Соню в объятия, обвел взглядом ребят и поинте-ресовался:

– И вот скажите мне, шелупонь, для чего таскать в рюкзаке Барона Самди?

Через пять минут успокоились все – даже Мата Хари, которая, как оказалось, вовсе не скончалась, а просто сбросила с плиты пустую кастрюлю. Бутерброды были съедены, чай остывал в чашках, а между ними на столе высилось странное существо.

Это была вырезанная из черного дерева фигура сидящего молодого негра с зелеными, сделанными из какого-то камня глазами. Негр был одет в длинный, нелепый не то пиджак, не то смокинг, натянутый прямо на голое тело. На голове странного существа красовалась шляпа-цилиндр. Между колен был зажат ухмыляющийся череп из желтого металла. Из зубов черепа торчала толстая сигара. Такая же сигара красовалась во рту негра, и улыбка была такой же: широкой, нахальной и опасной. Он сидел вполоборота, одной рукой придерживая череп, а другую протягивая влево, словно прося о чем-то.

– Боже, какой кошмар! – содрогнувшись, сказала Соня.

– А по-моему, симпатичный, – усмехнулся Пашка. – Улыбается, гляди...

– Улыбается?! Да я теперь ночью не засну от его улыбки! Как, ты сказал, его зовут?

– Барон Самди, – пожал плечами Пашка. – На Кубе эта личность повсюду.

При слове «Куба» ребята уважительно переглянулись. Полгода назад Пашка летал по обмену в Гаванский университет, вернулся черным от загара, говорящим по-испански, в майке с Фиделем Кастро на груди и кучей фотографий, с которых улыбались физиономии новых Пашкиных друзей всех оттенков коричневого.

– А он кто, он кто, этот Барон?! – накинулись на Пашку со всех сторон. – Он бандит, да?! Он – мафия?!

– Ничего он не бандит! – хулиганские Пашкины глаза смеялись. – Он, между прочим, божество!

– Что?! – возмутилась Соня. – Полторецкий, хватит врать! Посмотри только на эту уго-ловную морду, бр-р-р... Никакое божество в таком виде ходить не будет!

– Это у нас здесь не будет! – обиделся Пашка. – А вот если бы ты, королева моя, почитала ту книжку о кандомбле и вуду...¹

¹ **Кандомбле, сантерия и вуду** – ветви одной религии, берущей начало от верований африканского народа йоруба, насе-ляющего Экваториальную Африку. Поскольку рабов из этой местности развозили по разным странам, то и религия получила

– Это которую ты мне привез? С этими твоими жуткими зомби? Знаешь что, Полторецкий, в твои годы мог бы научиться подарки даме выбирать!

– Соня, у тебя есть книжка про зомби?! – оживилась Белка. – А почему ты мне не показала?

– Потому что я отвечаю за стабильность твоей психики! – отрезала старшая сестра. – А там такие картинки, что никакие нервы не выдержат! Я на другой день не могла нормально играть на концерте! Опозорилась на всю консерваторию, даже Алла Леонардовна удивилась... а все потому, что перед глазами эти ужасы стояли!

Белка промолчала, но в глазах ее зажегся хищный блеск. Было очевидно, что в ближайшее время квартира семьи Гринберг будет прочесана по квадратам.

– Пашк, ты про Барона-то расскажи! – попросил заинтригованный Атаманов. – И что это за кандомбле такое?

– Да просто все... – Пашка бешено застучал пальцами по клавиатуре компьютера. – Вот он, красавец наш, смотрите.

Все кинулись к монитору. На нем светилось множество картинок, и все они изображали черного человека в цилиндре. На некоторых он улыбался лукаво и нагло, как стоящая перед ними статуэтка. На других был суров и печален, на третьих – злобно скалил острые зубы. Пашка оказался прав: Барон Самди, видимо, был в самом деле популярен. Черная физиономия смотрела с плакатов, картин, фотографий, набросков. Даже мультяшный Самди весело ухмылялся с экрана ноутбука.

– Кандомбле – это религия черных рабов, – задумчиво сказала Соня, и все как один повернулись к ней. – Черных людей, вывезенных в трюмах кораблей из Африки в Бразилию, на Кубу, на Гаити... Они ничего не могли взять с собой, кроме своих богов. А на новом месте им начали усиленно навязывать христианскую веру. Они не сопротивлялись... да и выбора у них не было. Но наравне с новыми святыми рабы сохранили и своих богов. В итоге получилась такая смесь... христианства и африканского язычества. На Кубе это – сантерия, в Бразилии – кандомбле, на Гаити – вуду. Барон Самди относится, кажется, именно к богам вуду на Гаити.

– Так ты все-таки эту книжку прочитала! – восхитился Пашка. Соня только вздохнула.

– Ух ты, вуду, здорово! – оживилась Полундра. – Это же зомби, да?! Телемертвецы всякие, кровища и...

– Ерунда это все! – сурово отрезала Соня.

– Почему ерунда? – с серьезным лицом пожал плечами Пашка. – На Кубе, например, колдуны всю себе оживляют мертвецов – чтобы они у них огороды вскапывали! Бесплатная рабочая сила, так сказать, и...

– Полторецкий!!!

– Молчу, молчу...

– А Барон Самди, – Соня повернулась к статуэтке на столе, – считается покровителем кладбищ и перекрестков. Он – проводник между миром живых и миром мертвых. И при этом, по-моему, страшный раздолбай, вроде тебя! – снова сердитый взгляд в сторону Пашки. – Всюду лезет, все может устроить, когда-то оказал услугу Верховному богу, и теперь Барону Самди можно ВСЕ! Правда, при этом он нежно относится к детям и очень не любит, когда они болеют. Такая вот разносторонняя личность!

– Яс-с-сно... – медленно сказала Полундра, поворачиваясь к статуэтке. Ей показалось, что Барон Самди подмигнул ей из-под цилиндра, и Юлька невольно вздрогнула.

– Вернемся к нашим баранам! – провозгласил Пашка, выключая компьютер. – Зачем нашей Терезе было таскать этого товарища в цилиндре с собой?

– Может, он ее собственный, – пожала плечами Белка. – Мало ли... возила кому-нибудь показать...

– Он здоровый и тяжеленный. – Пашка с усилием приподнял барона. – Не железный, конечно, деревянный... но основание-то камнем отделано! Видите – черные камни полированные! А черепушка... по-моему, золотая! И еще неизвестно, из чего сделаны эти четыре глаза!

– Господи! – испугалась Соня, вглядываясь в череп. – Так сколько же это все стоит?! И эта ваша Тереза тащила его куда-то в рюкзаке?!

– И была при этом заревана и перепугана до смерти, – добавил Пашка. – К ней там skins начали приставать, так она их, кажется, даже не сразу заметила.

– И смылась, как только поезд остановился, – мрачно сказал Батон. – Всех распахала. Чуть не по бошкам на платформу выбежала – и все...

– Вах, я вспомнила!!! – закричала вдруг Натэла так, что зазвенели подвески люстры. – Я вспомнила, что я у нее спросила! Я спросила, кто такая Мама Бриджит!

Тишина в комнате воцарилась мертвая. Все с изумлением смотрели на Натэлу. А та метнулась в прихожую, примчалась оттуда со своей сумкой и вывалила на стол рядом с Бароном Самди «Магию вуду», подаренную Пантелеичем. Торопливо перелистала ее и придвинула к друзьям.

С глянцевої страницы смотрела на них, добродушно усмехаясь, толстая негритянка, сидящая на корточках. Из рта у нее торчала сигара, между колен стояла большая черная бутылка. Негритянка была одета в кипенно-белую блузку и такую же юбку. Подпись под фотографией гласила: «Мама Бриджит».

– Я еще вчера заметила! – воодушевленно рассказывала Натэла, переводя взгляд с одного лица на другое. – Я вчера всю книгу пересмотрела, всех этих... богов вуду... Под каждым – нормальная подпись! Вот, смотрите сами, Шанго – бог гнева и грома! Йеманжа – богиня воды! Олодумарэ – верховный бог... А эта – просто Мама Бриджит! Какой же Бриджит она мама? И почему она здесь, если она не богиня, а просто чья-то мама?

– Может быть, эта Бриджит – богиня? – осторожно предположила Белка.

– А почему ее тогда зовут не по-африкански? Бриджит – это европейское имя! Я так и не смогла понять! И, когда мы начали говорить с этой Терезой, я подумала... Если она – мулатка, то, может быть, знает... Я показала ей книгу и спросила про Маму Бриджит! – Натэла пожала плечами и закончила: – Она сразу же вскочила и убежала! И все!

– Итак, парни, что все это значит? – тайгеровской фразой спросила Полундра.

– Это значит, что вы опять влезли в историю, – со вздохом ответила Соня. – Ни на день нельзя никуда отпустить! Девочку эту, конечно, надо найти. И вернуть ей эту... этого Барона. С золотым черепом. Он ведь не ее собственный, а родителей! Они уже, наверное, с ног сбились! Ведь такая дорогая вещь!

– Но где же ее искать? – Натэла присела на диван и уставилась на Барона Самди. – У нас ничего нет, кроме книги. Из института лингвистики с Кропоткинской. Сама Тереза там учиться не может. Значит, учится кто-то из родителей или, может, старшая сестра или брат. А мы ведь даже фамилии ее не знаем!

– Она сама учится в школе иностранных языков где-то на Таганке, – медленно сказал Пашка. – Она же вас туда приглашала, правильно? Надо посмотреть... Щас, шелупонь. – Он снова застучал по клавишам. Все воодушевленно переглянулись, но через несколько минут Пашка с кислой физиономией сообщил, что ни одной школы с углубленным изучением португальского, а также театральной студии на Таганке нет.

– Выходит, что наша шоколадка все про себя сочинила!

– А зачем ей сочинять? – пожала плечами Юлька. – Она же нас даже на спектакль пригласила! Все равно бы пришлось дать адрес!

– Ребята, ну-ка вспомните получше, как Тереза говорила! – воззвала Натэла. – Я точно помню: «Приходите к нам на Таганку!» В школу, куда же еще? Или, может... Пашка, посмотри, может, там Дом культуры какой-нибудь есть?

Но и Дома культуры на Таганке тоже не нашлось. Пашка заглянул на всякий случай даже на сайт знаменитого Театра на Таганке, но там не шло никаких бразильских спектаклей. С минуту в комнате царило унылое молчание.

– По-моему, Барона стоит показать нашему Соломону Борисовичу, – задумчиво сказала Соня. – Это ведь не дурацкая поделка для туристов, а дорогое произведение искусства! Может быть, оно ему известно! Может быть, таких на всю Европу три штуки!

– Это вряд ли... – проворчал Атаманов. – Штучка африканская, сразу видно. Кто у нас такое смастрячит?

– В любом случае спросить надо, – твердо сказала Соня. – Нужно же с чего-то начинать!

Ребята переглянулись. Отчим Сони и Белки, Соломон Борисович Шампоровский, был известным на всю Москву антикваром, реставратором и экспертом по древним ценностям. Сейчас мать сестер Гринберг концертировала в Вене, а отчим, засев в своей мастерской на Новокузнецкой, производил там уборку.

– Я позвоню ему, и поедем прямо завтра, – заявила Соня. – Пашка, а ты бы выяснил, нет ли у тебя знакомых в том институте на Кропоткинской! Треплешься ведь без конца с кучей народу на форумах! Может, кто-нибудь и найдется... Пашка! Полторецкий, ты меня слышишь?

– Слышу, ангел мой... – Пашка широко открытыми глазами смотрел в свой компьютер. – Шелупонь, а знаете, кто такая Мама Бриджит? Жена Барона Самди!

– ...Со-о-оня, ну дай ты мне ее посмотреть! Эту кни-ижку! – канючила Белка, укладываясь спать. – Я так устала, что засну сразу! Никакие зомби не помешают!

– Я не помню, где она валяется. Завтра поищу. – Соня уже лежала в постели и задумчиво смотрела в потолок. – Знаешь, Бэла, на самом деле это все очень интересно. Мы еще на истории религий в консерватории говорили о том, что боги любого народа очень похожи на людей, их придумавших. Этот Барон Самди, конечно, ужасный... но с ним, мне кажется, проще разговаривать.

– Как это, Сонь? – Белка тоже забралась под одеяло, свернулась клубочком. За окном в свете фонаря валил снег. С бульваров прозвенел последний трамвай.

– Ну, вспомни, на кого он похож, – Соня погасила свет, зевнула. – Обычный хулиган и пьяница. В пиджаке на голое пузо. И в грязном цилиндре на затылке. Он такой же, как те люди, которые в него верят, понимаешь? А не божество в сиянии и в белых одеждах, которого нужно бояться. Если тебе надо, чтобы кто-то понял, как ты вляпался, и помог, – к кому тебе будет легче обратиться? К кому-то в небесах над тобой, который всегда прав и никогда не ошибается? Или к такому вот бандиту с сигарой в зубах, который сам не святой?

– Кажется, я поняла... – Белка задумалась. – Сонь, а Мама Бриджит – она такая же?

– Ну, раз она его жена... – усмехнулась Соня. – Да ты же видела фотографию. Толстая черная тетка с сигарой. Любит выпить рома, посмеяться. Всем может помочь – особенно женщинам и детям. При этом – вместе с мужем провожает из мира живых в мир мертвых, так что шутить с ней, в общем-то, опасно. Если довести – мало не покажется... Видишь, какие у них там, в Южной Америке, боги? Несерьезные ужасно. Но понимающие.

– А как должно быть? – серьезно спросила Белка.

– Да кто же знает? Наверное, если люди в это верят – значит, так для них и пра-авильно... – Соня уже засыпала.

– И надо же было Батону влюбиться в эту Терезу! – подумав, сердито сказала Белка. – Она, конечно, красивая ужас какая, но... Ну вот, допустим, он с ней познакомится – и что?!

Будет она, что ли, с ним встречаться? Андрюха наш, конечно, классный... но ведь на Винни-Пуха похож! Хотя выше ее ростом...

– Бэла, это ерунда! – сквозь зевок отозвалась старшая сестра. – Мужчина вообще не должен быть красивым.

– Да?! А сама с Пашкой встречаешься! А он – потрясающий!

– Балбес он потрясающий! – тут же вскипела Соня. – Со сквозной дырой в голове! Хотя бы раз за вами присмотрел по-людски! И вообще давай спать! У меня завтра репетиция, а у тебя – контрольная! Или ты со своими зомби вовсе про все забыла?

– Забудешь про такое, как же... – проворчала Белка. – Попросить, что ли, Маму Бриджит, чтобы математичка заболела?

Соня ничего не ответила. Белка, повздыхав, плотней завернулась в одеяло и закрыла глаза.

Юлька Полундра в эту ночь спала дурно. Во-первых, болели натруженные лыжами суставы. Во-вторых, дед полночи стучал по клавишам своего компьютера, готовя лекцию. В-третьих, во сне Юльку гонял по заснеженному лесу Барон Самди в Батовой ушанке на затылке и вопил почему-то голосом Сони: «Вас никуда нельзя одних отпустить!!!» Проснувшись Полундра от звона будильника, убедилась, что не проспала, и начала вяло вылезать из постели.

Барон Самди за ночь никуда не делся. Сидел на подоконнике, завернутый в шарф Терезы, и косился наглыми глазами на Юлькины учебники, сваленные кучей на полу. Череп смутно поблескивал в свете фонаря: на улице еще было темно. Полундра нащупала ногами тапочки и, шатаясь, побрела на кухню.

В кухне у окна неожиданно обнаружился дед. Полундра удивилась: обычно Игоря Петровича Полторецкого, генерала в отставке, преподавателя военной истории в Академии ВС, ничто не могло отвлечь от его утренней гимнастики.

– Дед, что там?! – закричала Юлька, кидаясь к окну. – В твою «Волгу» кто-то впилился?!

Генерал молча посторонился. Полундра взлетела на подоконник и увидела изумительную картину.

Внизу, на турнике возле детской площадки, висел Батон – в тренировочных штанах и футболке. И не просто висел, а делал судорожные движения червяка-наживки, пытающегося взобраться вверх по леске. Вокруг прыгала его бабушка Надежда Никитична в пальто внакидку и сползшем на затылок берете. Заинтересованная Юлька приоткрыла форточку.

– ...и воспаление легких, Андрюшенька! И грипп! И ангина! И бог знает еще что! Господи, да что же это ты вытворяешь, разбойник?! Слезай немедленно, говорят тебе, обалдуй! Иди домой! Я вот сейчас отцу на работу позвоню! И полицию вызову! И «Скорую помощь»! Да хоть шапку надень, Андрюшенька!!!

Батон только пыхтел сквозь стиснутые зубы и пытался отбрыкнуться от бабки ногой. Рванувшись вверх изо всех сил, он достал-таки подбородком до перекладины – и облегченно плюхнулся вниз. Вскочил и потрусил вокруг площадки перевалистым медвежьим шагом. Бабка засемила следом, проваливаясь в сугробы.

– По-моему, пора вмешаться, – решительно сказал генерал Полторецкий, выходя из кухни. Юлька, наспех одевшись, помчалась за ним.

Когда она выскочила во двор, из соседнего подъезда уже вылетел Атаманов. Он порысил за Батоном по кругу, решительно оттеснив запыхавшуюся бабулю. Никитична, отдуваясь и жалобно причитая, опустилась на скамеечку у песочницы и схватилась за голову.

– Да куда тебя, дурак, понесло?! – донесся до Полундры голос Сереги. – Пыхтишь, как верблюд! Бабка вон почти в кондрашке! Тебе чего приспичило-то? Из-за этой Терезы?

– Отвали... фу... Напряги сам башку... фу... Она – как модель... а я... фу... пингвин... который гордо реет... Худеть... блин... нужно как-то... фу-у-у!!!

– Жрать надо меньше! – выдвинул конструктивное предложение Атаманов. – Что в твоей беголке толку, если бабкин борщ с салом черпаками трескаешь?

– Борщ... это витамин... от него не наби-рают...

– И сало – витамин?! Да остановись ты уже, пингвин долбанутый!!! Реет он, видите ли, гордо! Полундра, а что ты ржешь? Нет, вот что ты ржешь?!

– Атаман, да ведь ты первым заболеешь! – закатывалась Юлька. – Ты на ноги себе посмотри! Кто тут пингвин?!

Атаманов покосился вниз и выругался: на нем были старые пластиковые шлепки на босу ногу, уже забитые снегом. Взыв, Серега умчался домой. Батон, еще тяжело дыша, прислонился к турнику и уныло посмотрел на помирающую со смеху Юльку.

– Батон! – Полундра кое-как перевела дух. – Но ведь так же нельзя! Если хочешь фигуру того... корректировать, надо не так резко! Ведь и правда ангина будет! А вообще, по-моему, нечего тебе заморачиваться! Ты ничуть и не толстый даже! Ты просто... ну... большой!

– Угу... местами. В районе брюха, – пробурчал Батон.

– Андрей, Юлия права, – послышался вдруг задумчивый бас генерала Полторецкого. – Гимнастикой не начинают заниматься столь радикально.

– И что ж мне теперь, Игорь Петрович?! Всю жизнь пузом трясти?!

– Зачем же... Если ты решил заняться своим весом, я могу разработать специально для тебя комплекс упражнений. Начнешь с малого, потом понемногу будешь прибавлять... Ты ведь не куришь?

– Пробовал. Не понравилось.

– Это хорошо – значит, легче будет. Неплохо бы в бассейн записаться, в воде худеют очень быстро. Плавать умеешь?

– Да не так чтобы очень...

– Вот и научишься заодно. – Петрович, выудив из кармана пальто маленькую записную книжку, застрочил в ней карандашом. Потом вырвал лист и протянул его Батону. – Пойдешь в бассейн «Смена» за бульварами, найдешь тренера Валерия Владимировича, отдашь записку, скажешь, что от меня. Он тебя включит в свою группу – если ты, конечно, всерьез собираешься...

– Собираюсь! Всерьез! Спасибо, Игорь Петрович! – обрадовался Батон.

– Тогда кругом и шагом марш домой! – скомандовал генерал. – Чтобы не заболел до бассейна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.